

...А мне вот нравится Мьянма

— А вы вообще кто такой? И зачем вам это нужно? — спросил человек, которого большинство жителей России хорошо знают благодаря телевидению.

Он внимательно разглядывал меня, примерно так же сто лет назад британцы разглядывали здешних туземцев. Мы сидели в одном из янгонских ресторанов, и я был приглашён этим человеком весь вечер побыть в качестве радио — рассказать ему про Мьянму. Этот вопрос мне откровенно не понравился.

— Понимаете, — начал я, пытаюсь на ходу придумать что-то язвительное. — Вот у вас наверняка было всего одно детство. Детство — это всегда самый счастливый период в жизни каждого человека, даже если в нём было много плохого. Когда я приехал в Мьянму, это была закрытая страна, торговля с которой была ограничена санкциями. А внутри сами собой законсервировались 1970-е годы. По улицам ходили машины того времени, в стране практически не было мобильных телефонов, а дома были построены так, как их строили 40 лет назад. И фонари — да, именно уличные фонари — хранили следы той ушедшей эпохи. Ушедшей отовсюду, но оставшейся в Мьянме. Большие белые шары, когда-то в два ряда развешенные на столбах той части Компроса, которая вела от Комсомольской площади к заводу Свердлова, я нашёл именно в Мьянме. Они светили, как луны в тёмном небе, а под ними был я — точно такой же, как несколько десятилетий назад. А в другой части города на таких же низких столбах нависали другие фонари, похожие на вытянутую вперёд руку, держащую стеклянную мыльницу с

тусклым жёлтым светом, — совсем такие, какие были на улице моего детства, носившей имя не существующей ныне газеты.

Вообще, если взять фотографии зданий в центральной части Янгона и отрезать нижнюю часть, русский человек из провинции никогда не скажет, что на них изображён город Азии. Британская колониальная архитектура жилых кварталов даунтауна — это рубеж XIX и XX веков. А административные здания колониальной эпохи — в основном 1920–1930-е годы. Некоторые старые янгонские жилые дома своим внешним видом удивительно напоминают предреволюционные особняки провинциальных российских городов, а здания банков и контор — довоенную советскую архитектуру.

И ещё были люди — люди закрытой страны. Очень советские люди с их непременно посиделками во дворах и горланящими песни под гитару вечерними компаниями парней. А также большими дружными семьями, в которых четвероюродные братья не только хорошо знали друг друга, но и регулярно встречались и посылали друг другу поздравительные открытки по почте. Всё это было очень похоже на времена СССР моего детства, когда мы хорошо знали своих соседей по подъезду, ходили друг к другу в гости и совместно отмечали праздники. В общем, вокруг были обычные советские люди со всеми их плюсами и минусами, только немного по-другому одетые, загоревшие и прищурившиеся.

— Так вот, у вас было всего одно единственное детство, — сказал я человеку из телевизора, пытаюсь голосом

Пётр Козьма

родился в Перми. Окончил среднюю школу №77, исторический факультет Пермского государственного университета. Работал учителем истории, редактором газеты «Пермский университет», сотрудником PR-службы Пермской товарной биржи, ответственным секретарём еженедельника «Молодая гвардия». Затем переехал в Москву, где окончил Дипломатическую академию МИД России (специализация по кафедре мировой экономики и международных экономических отношений), здесь же стал кандидатом экономических наук (диссертация по экономике современного Китая). После учёбы в академии был помощником председателя комитета Госдумы по обороне, руководителем проектов Института Восток-Запад (США), занимался издательским бизнесом, затем работал в структурах правительства Москвы, одновременно преподавал в московских вузах. С 2008 года живёт и работает в Мьянме. Основное направление деятельности — консалтинговые услуги.